

Обращаться в больницы стало опасно – побьют

ТРАВМАТОЛОГ В ПОГОНАХ

НОВОГОДНЕЙ НОЧЬЮ произошла со студентом пятого курса Антоном история. Праздничного и сказочного в ней мало, необъяснимых странностей – предостаточно. За полтора прошедших месяца у студента зажили ушибы и гематомы, но не скоро утихнет душевная боль от физического насилия и морального унижения, которым он подвергся в первые часы нового года.

После боя курантов и праздничного семейного стола отправился Антон с друзьями Евгением и Леной в ледовый городок на остановке имени Бориса Ручьева. Там царил всеобщее веселье: хохотала молодежь, с гиканьем несущаяся по ледяной горке. В такой куче-мале немудрено ушибиться, получить увечье. Антон, не удержавшись на льду, упал. Поднимаясь, почувствовал резкую боль в левой стороне груди – не иначе ребра переломал. Надеяться на русский авось не стал. Молодой человек был застрахован и прекрасно понимал: чтобы впоследствии получить выплаты в страховой компании, необходимо заручиться медицинскими документами.

Друзья сопроводили Антона в травматологический пункт МУЗ «Горбольница № 3». Очередь перед дверью была внушительной. Около часа томилась в коридоре. В 3.20 Антон наконец-то попал в кабинет. Друзья остались дожидаться в коридоре.

В помещении находились две медсестры, стол хирурга пустовал. Молодой человек сообщил, что упал с горки. Боль настолько сильная, что не может вдохнуть, надо бы осмотреть ушиб и сделать рентгеновский снимок. Одна из медсестер заметила, что травма не смертельная, и пациент может подождать до утра. Сестричка даже не потрудилась объяснить, почему отказывает страждущему в медицинской помощи. Антон заупрямился. Действительно, чего это ради он должен сносить нестерпимую боль? Настаивая на осмотре, Антон присел на кушетку. В этот самый момент в кабинет вошел мужчина в милицмейской форме – судя по погонам, старший лейтенант. Дальнейшие события для человека, находящегося в трезвом уме и здравой памяти, выглядят настолько дико, что я вынуждена обратиться к документальному свидетельству – словам самого потерпевшего. Я записала речь Антона на диктофон:

«Милиционер подошел ко мне и, не говоря ни слова, нанес не менее шести ударов по лицу. Я был напуган, но более всего меня шокировал тот факт, что избивал он меня при свидетелях: в кабинете находились две медсестры. Одна спокойно сидела за столом, другая стояла рядом с милиционером – готовила медицинские салфетки. Когда он наносил удары, я не сопротивлялся, понимая, что сопротивление представителю власти чревато серьезными проблемами: сейчас, думаю,

КОЛПАК ОЛЕГИ ГАВРИЛОВОЙ

затолкают в «бобик» и увезут. Потом скажут, что это я напал на милиционера. Если уж медсестры так спокойно себя ведут, значит, могут подтвердить все, что угодно. Например, заявить, что я на них напал. Я был трезвый, вполне адекватный, никому не грубил. Мой друг Евгений – спортсмен и в рот не берет ни капли спиртного.

Милиционер разбил мне губу, нос. Из раны хлынула кровь. После избивания он сказал: «Сиди три минуты, не вздумай ничего делать, потом выходи», – и покинул кабинет. Медсестра совершенно спокойно протянула мне салфетки. Я вытер кровь, но она шла, не останавливалась. Милиционер вернулся. Я поднялся, и мы вместе вышли в коридор, где меня ждали друзья. Я, конечно, им пожаловался, что меня избил милиционер. Он, кстати, был очень спокоен. Мои товарищи, обратившись к нему, стали спрашивать, как его зовут и в каком он звании. В это время я стоял на крыльце. Друзья сказали мне, что милиционер назвался Сергеем Овсянниковым. В ситуации принял активное участие охранник, который вел себя очень грубо по отношению к моим друзьям.

Я позвонил отцу и просил прийти в травматологический пункт. Мой друг тоже поехал со мной. В этот момент на крыльце опять появился тот же милиционер и потребовал у меня документы. Я отдал ему студенческий билет, он скрылся в помещении. Через несколько минут он вернул документ.

Пришел отец и стал разыскивать милиционера, но никого не нашел. В кабинете за столом он увидел врача в белом халате, который заполнял карточку. На вопрос, что произошло, медик ответил, что ничего особенного. По его

словам, я пришел в травмпункт побитый и от врачебной помощи отказался.

Первое, что приходит на ум, – оборотень в погонах. Но Магнитка не тот город, где царит милицмейский произвол. Тогда почему страж вел себя так спокойно? Ведь отыскать драчуна не составит труда. Антон, как и любой другой человек, попавший в подобную ситуацию, на всю жизнь запомнил лицо обидчика. К тому же, есть еще и двое свидетелей – друзья Антона, не считая пациентов, которые в ту ночь томилась в очереди.

1 января Антон уже вместе с отцом Андреем Ивановичем поехали в левобережный травматологический пункт: обратиться в правобережный не рискнули. Хирург поставил диагноз: ушиб грудной клетки, травмы лица. Со слов Антона в карточке записали, что травмы лица получены насильственно. В этот же день к Антону пришел участковый, который принял заявление о привлечении к уголовной ответственности сотрудника милиции по фамилии Овсянников. Вскоре выяснилось, что стража порядка с такой фамилией в магнитогорском гарнизоне нет.

Через день Антон опять же в сопровождении Андрея Ивановича пришел на лечение в медицинское учреждение по месту жительства – в ту же городскую больницу № 3. Хирург поинтересовался историей происхождения травмы. Антон выложил все как на духу: и про горку, и про милиционера, не забыв назвать его фамилию, – Овсянников. Эскулап немало подивился и огорошил следующим сообщением: такую же фамилию носит... заведующий травматологическим пунктом их горбольницы. Что это: совпадение, ошибка или хулиган-милиционер желал скомпрометировать уважаемого в городе человека?

Чтобы разобраться в странной ситуации, Антон с отцом пришли в травматологический пункт. Андрей Иванович, заглянув в кабинет, попросил хирурга выйти в коридор. Белый медицинский халат не сбил Антона с толку: он сразу узнал в медике «милиционера». Заведующий представился Сергеем Овсянниковым. На вопрос Антона, за что он его избил, не моргнув глазом, ответил, якобы Антон пришел в травматологический пункт уже побитый и от медицинской помощи отказался.

Не поддаваясь логике ситуации: зачем по своей воле идти в больницу, битый час сидеть в очереди и в конечном итоге от медицинской помощи отказаться? «Заведующий травматологическим пунктом очень спокойно разговаривал, – продолжает Антон, – меня удивило его спокойствие. Ведь у меня есть свидетели: двое моих друзей, две медсестры. На что заведующий ответил, передаю дословно: «Даже если когда-то что-то и было, сами понимаете, всегда можно договориться».

С точки зрения здравого смысла совершенно дикая ситуация. О низком врачебном профессионализме наслышаны, но о случаях рукоприкладства со стороны врачей до сего времени было неизвестно. Даже в масштабах России. Что можно сказать о враче, который не только преступает, но и презирает клятву Гиппократа. И, к тому же, занимается дискредитацией правоохранительных органов города?

У автора нет оснований не доверять словам потерпевшего, который производит впечатление порядочного человека. Но закон журналистского творчества требует выслушать вторую сторону конфликта. Как заведующий травматологическим пунктом Сергей Овсянников истолковывает новогодний инцидент? Во из-

бежание претензий диалог, который состоялся 12 февраля в кабинете заведующего травматологическим пунктом, привожу без редактирования:

– Ночью 1 января шел обычный прием. Молодой человек рвется на прием: «Спасите меня срочно, у меня болит грудная клетка». Вплоть до того, что он сейчас умрет. Ему было сказано, что нужно выйти из кабинета, не надо тащить грязь с улицы, не разуваясь, не раздеваясь. Он находился не то что прямо в невменяемом состоянии, но в очень сильном алкогольном опьянении. Думаю, все причины здесь из-за этого. Ему было предложено выйти из кабинета и дождаться помощи. Он начал выступать: «Я никуда не пойду, вы врач, дайте клятву Гиппократа». Самая излюбленная тема у товарищей в алкогольном опьянении. «Приема не будет», – говорю ему. Ах, вы такие, мат через мат. «Я вас всех посажу, всех сдам, все будете ползать, всех уволю». «Пошел отсюда», – говорю, – «вон». Я вижу, что ничего страшного там нет: по его поведению, действиям, ясно – травмы серьезной, смертельной нет. Начал чуть ли не в меня швырять, ну, не то чтобы швырять... Я вообще ушел. Здесь народу полным-полно, он ко всем цеплялся: то милиционеры ему не понравились, то говорил, что я милиционер...

– А был милиционер?
– Да тут милиция каждые пять минут, они... тут их полный коридор. Ни одна милиция его не била.

– Но травмы лица он получил насильственно. Якобы это был, переодетый милиционером, его побил.

– Сказки. Он уже нам говорил это через три дня. Сначала его милиция побилла, потом он кричал: «Фамилию мне скажи!» Я, пожалуйста, назвал.

Через неделю оказывается, что это я переоделся.

– А вы не переоделись?
– А мне зачем это? Я как на приеме сидел, так и сидел.

– То есть, это какой-то неизвестный милиционер?

– Да никакой милиционер его не бил. Не было здесь никаких драк. Что, получается, я вышел, оделся и его побил? У нас охранник есть, если надо. Охранник бы его побил... Это все длилось минут 20. «Пока он не уйдет, я, – говорю, – принимать не буду». Он опять мат через мат. Минут через 20 подошли друзья. Они ему – «пошли, пошли», а мне говорят, что его привозили полчаса назад, он был нормальный, а сейчас почему-то избитый. Во-первых, у него избитого ничего такого не было: кровоподтек один, кровотечения не было, капельки там какие-то. Он был не такой агрессивный, если бы его друзья не приехали, он, может быть, так и ушел. Но они пришли, и все начали по-новому. Не он спрашивал фамилию, они спрашивали. Кричали: «Да что вы за доктор такой, да что вы за это...» Я им назвал свою фамилию.

– Они утверждают, что вы были в милицмейской форме.

– Но они друзья. Я тоже могу всех подключить. Мы тоже будем друг за друга. Я говорю: «Ждите милицию, ждите». Почему они убежали с приема? «Не надо, – говорят, – все у вас тут куплено». Милиция здесь было полно, всю ночь они тут были, но никто его тут не бил. Потом минут через 10–15 пришел его папа, зашел в кабинет, мы с ним побеседовали. У меня все в документах написано: его сын вел себя хамски, грубил, выражался нецензурной бранью. Папа, конечно, склонен верить сыну. Они потом приходили ко мне. Давайте, говорят, разурим эту ситуацию. С намеком – мы будем в суд подавать. «Подавайте, – говорю, – в суде разберемся». – «Или вы с нами, типа, так рассчитаетесь, или мы договоримся по-хорошему». – «Давайте, – говорю, – по-хорошему».

– Что значит по-хорошему?
– Не знаю. Может, я им должен заплатить за побои. Отец стал с сыном разговаривать: «Что тебе лучше, достаточно извинений принести?» – «Нам не за что извинений принести, но если вы настаиваете... Я даже не знаю, давайте, как вам это будет удобно. А то, что пугаете судом, так мне, с одной стороны, лучше. Разберемся серьезно». Такие ситуации у нас по несколько раз в день: что не молодой, то наглый. С папой сидит спокойный, добрый, а когда выпивают, начинают права качать...

Перед тем как рассказать о случившемся инциденте, я встретилась с сотрудниками названного медучреждения. Их имен по понятным причинам не называю. Они заявили: ни для кого не секрет, что Сергей Овсянников не раз наряжался в милицмейскую форму. Избиение пациента – далеко не первый случай в медицинской практике заведующего.

ИРИНА КОРОТКИХ.